

УДК 801.73

ПОСТРОЕНИЕ МОДАЛЬНОЙ ПАРТИТУРЫ И ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ РЕАКЦИЙ В ТЕКСТЕ

Е.В. Ильина

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена проблеме взаимодействия языковой модальности и способов выражения эмоционально-волевых реакций в тексте. Рассматривается возможность влияния эмотивности на построение модальной партитуры распределения смыслов текста путем включения координирующего блока эмоционально окрашенных средств текстопостроения (и стоящих за ними смыслов), образующих ядро данной модальной партитуры в тексте с преобладанием эмоционально-волевых компонентов.

Ключевые слова: *модальная партитура, эмоционально-волевые реакции, эмотивность, смысл-модализация, интерсубъективность.*

Вопрос о соотношении и взаимовлиянии способов выражения эмоций в языке и модальности как универсального мыслительно-языкового механизма по сей день не имеет однозначного ответа. Спорными представляются возможности как отнесения категории модальности к явлениям с рациональной доминантой и её отграничения от способов выражения эмоционально-волевой сферы сознания в языке, так и признание приоритета иррационального, т.е. чувств и эмоций, в качестве мотивирующей силы при объединении модальных средств в единое целое. Отделение эмоциональной сферы от области приложения модальности не приветствуется в некоторых работах, в которых говорится о необходимости выделения модальных средств с эмоциональной компонентой в отдельную подгруппу.

Так, А. Фрей (Frei 1929) предлагает различать интеллектуальную модальность (утверждение / отрицание, определенность / неопределенность) и аффективную модальность (вопрос, приказание, зов, положительная / отрицательная оценка) (цит. по: [13, с. 47]).

В.И. Шаховский, рассматривая возможности категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка, отмечает: «...эмотивность всегда отражает субъективное *отношение* говорящих» [16, с. 4. Курсив наш. – Е.И.]. И далее: «эмоциональное отношение всегда неразрывно связано с оценкой, характером понимания реальной действительности, и является важной составной частью языковой модальности» [цит. раб., с. 7]. Под эмотивностью автор понимает способность средств языка выражать эмоции [цит. раб., с. 24]. Е.Ю. Мягкова также поддерживает по-

стулат о прямой связи оценки и эмоций, отмечая, что «любая оценка сопровождается эмоциональным отношением» [9, с. 94].

Из приведённых выше суждений следует, что выражение эмоций напрямую связано с модальностью. Означает ли это, что модальность существует лишь там, где присутствуют эмоции, или даже, что процесс общения всегда эмоционален и, следовательно, всегда модален?

Нельзя не заметить зыбкости и размытости эмоций как объекта изучения и предполагаемого компонента языковой модальности. Исчислить и четко классифицировать человеческие эмоции невозможно из-за недостаточной изученности механизмов функционирования человеческой психики. Кроме того, в плане собственно лингвистических исследований не все данные психологии и нейрофизиологии могут найти эффективное применение, так как терминологические базы и задачи исследований могут существенно расходиться.

В рамках психологического направления изучения эмоций говорят о том, что «качественными характеристиками эмоций являются знак (положительный или отрицательный) и модальность (удивление, радость, отвращение и др.)» [6, с. 407–408]. И хотя модальность в данном определении представлена как совокупность реакций на определённые условия ситуаций действительности, указанные факты свидетельствуют о неразрывной связи выражения эмоций и способов модальной организации речевых произведений.

Эмоции, по мнению многих исследователей, также связаны с продукцией и рецепцией смысла. Так, Л.С. Рубинштейн считал эмоции психическими представлениями смысла [12, с. 389]. А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний отмечали совпадение момента введения страсти в дискурс с появлением в нем смысла. Также осмысливание дискурсивных структур в их концепции связано с явлением модальности: «последний (смысл – *Е.И.*) проявляется как двусмысленный запах, не поддающийся определению ... этот запах исходит от дискурсивной организации модальных структур» [4, с. 32]. Данное замечание расширяется далее и приобретает вид универсального закона вербального общения: «всякая коммуникация есть взаимодействие между модальными симулякрами и симулякрами страсти» [цит. раб., с. 32]. Под симулякрами авторы понимают проекции субъекта на воображаемое пространство, открываемое модальностями в виде модальных нагрузок (хотения, могущества, умения, долженствования), которые приписываются субъекту [цит. раб., с. 73]. Таким образом, мир страсти и сфера приложимости языковой модальности не разделяются – «мир страстей расширяется в соответствии с миром модальным и не нужно их различать» [цит. раб., с. 77].

Однако следует отметить, что всё же речь идет о единстве, а не о тождественности модальных форм и форм выражения эмоционально-волевых реакций. Основными свойствами эмоций являются *диффуз-*

ность, т.е. разложимость на ряд оттенков, и *стягивание*, т.е. принадлежность каждой эмоции к группе схожих (по ситуации использования, спектру переживаний и т.п.) [8]. Модальность же в контексте настоящей работы рассматривается как универсальный языковой механизм, обеспечивающий построение модальной партитуры распремечевания смыслов текста. В такой трактовке модальность представляется нерасчленимым блоком по принципу функциональной целостности. Несмотря на это модификацией содержательной основы модальности будет вычленение отдельных смыслов-модализаций, служащих направляющими ориентирами при освоении смысла текста. Данные смыслы-модализации уникальны в каждом отдельном тексте и не могут быть отнесены к какой-то группе, так как всеобщее в них каждый раз по-разному окрашивается индивидуальным (содержанием сознания продуцента и реципиента/реципиентов текста). В этой связи нельзя также не учесть воззрения представителей противоположного полюса в изучении соотношения языковых средств выражения эмоций и модальности. Подчеркивая «всепроникание» категории модальности в любые языковые построения, В.В. Виноградов всё же указывает на необходимость различать эмоциональные формы выражения реакций на действительность (ожидание, надежда, беспокойство, боязнь и т.п.) и модальную оценку отношения высказывания к действительности [3, с. 62].

Однако если субъективная модальность выступает как ведущий блок, основной костяк модальности, присутствие которой в любом высказывании является его необходимой сущностной характеристикой [14, с. 103], то и отделяемые В.В. Виноградовым от модальности типы эмоциональной экспрессии также можно включить в поле модальных средств. Опять же такое объединение разнообразных модальных оценок (возможность, сомнение, уверенность, вероятность и т.п.) и эмоциональных форм выражения психических реакций, рассматриваемых В.В. Виноградовым, возможно уже на базе классического определения модальности как совокупности различных типов *отношений*. Так, ожидание и надежда связаны с квалификацией некоего пусть и гипотетического события как желаемого с оценкой разной степени его возможности, в этом выражается отношение говорящего к этой желаемой квазидействительности. Беспокойство и боязнь можно рассматривать также как субъективное отношение к предполагаемой или ожидаемой в действительности ситуации, так как это отношение связано в первую очередь с оценкой ситуации как негативной, способной повести за собой неприятные или ужасные последствия. Согласие, одобрение, удовлетворение, безразличие также тесно связаны с оценкой. Что касается безразличия как отношения, лишённого знака «+» или «-», то, с нашей точки зрения, это тоже оценка, так как указанное отношение можно изобразить двояко путем введения дополнительного отрицания: не «+» = не «-». С группой

оценочных отношений соотносятся такие формы выражения эмоционально-волевых реакций, как неудовольствие и отказ, также отделяемые В.В. Виноградовым от модальности. Эти типы эмоциональной экспрессии постулируют неприемлемость вследствие негативного оценивания. Выражение изумления также можно интерпретировать в рамках реляционной парадигмы как квалификацию события как неожиданного с вариативностью последующей оценки. Таким образом, оценка оказывается необходимым компонентом каждого из рассмотренных типов отношения.

Следует указать, что однозначное отнесение самой оценки к модальности вызывает сомнения у некоторых исследователей. Согласно А.В. Бондарко, выражение собственной оценки событий не является непосредственно связанным с семантикой модальности, так как данная процедура соотносится с общим семантико-прагматическим способом выражения человеческой субъективности в речи [2, с. 83]. Данная точка зрения представляется недостаточно обоснованной, поскольку вынесение оценочных суждений относительно любого содержательно-смыслового или же только смыслового единства является основой функционирования человеческого мышления, а, значит, и модальности как связующего звена между структурами сознания и системой языка. Относительно любого отрезка информации, любого речевого хода собеседника в сознании формируется определенное отношение к описываемым связям, признакам, свойствам, поступкам, ситуации в целом. Даже нейтральное отношение, как говорилось выше, является в некотором роде оценкой.

Из рассмотренных исследовательских позиций видно, что существенные характеристики форм выражения эмоционально-волевых реакций и способов языковой презентации модальности в основном совпадают. Следовательно, модальность следует рассматривать в её связи с необходимостью смысловой обработки эмоций. Однако понятие модальности шире понятия эмотивности, так как модальность обеспечивает организацию рефлексивной деятельности субъекта при освоении любых смыслов, а не только смыслов с преобладающим оценочным эмоционально-волевым компонентом.

Взяв за основу выдвинутый нами постулат о модальности как мере и способе смысловой интерпретации человеческой intersubjectivity [11, с. 7], можно предположить, что эмотивность участвует в функционировании языковой модальности, составляя координирующий блок эмоционально окрашенных смыслов, образующих смысловое ядро модальной партитуры в тексте с преобладанием эмоционально-волевых компонентов.

Если В.И. Шаховский говорит об эмотивности в её субъективности, то мы используем термин М. Мерло-Понти и далее в собственно

филологической герменевтической концепции Г.И. Богина «интерсубъективность», связывающий индивидуальное и социальное в восприятии и освоении мира (см.: [7, с. 19; 1]). Следовательно, эмотивность в этом аспекте тоже должна претерпеть изменения. Чтобы выяснить, какова роль эмотивности в организации модального плана высказывания и целого текста, необходимо установить соотношение данного свойства языка с интерсубъективностью, а именно: выявить степень эмоциональной детерминированности компонентов интерсубъективности. Такой анализ вполне возможен не только в рамках исследования социального компонента, когда за основу берутся характеристики инвентарных единиц языковой системы как вместилища упорядоченных языком знаний о мире, но и в случае с индивидуальным компонентом с его произвольной вариативной организацией, так как в тексте продуцент опредмечивает смыслы, освоенные и видоизмененные душевной и духовной конструкциями его собственной индивидуальности.

Согласно представителям когнитивной науки, эмоция соотносится с некоторым сценарием-прототипом, который содержит элемент проектирования реальности под влиянием эмоции, т.е. человек, у которого возникает та или иная эмоция, продумывает возможные варианты собственного поведения как реакции на эту эмоцию. Далее он выбирает один из этих вариантов на основе личных соображений, причём эти соображения, как известно, могут и не отвечать требованиям рациональности. Возможно также спонтанное принятие решения о способе реагирования. Тогда фаза материализации эмоции не выходит вовне и остается чисто внутренним действием (см., например: [17, с.180]). Следует отметить, что при продумывании вариантов реагирования сознание тем самым материализует эмоцию как внешний раздражитель, требующий реакции со стороны индивида. В этом смысле то, что родилось внутри, оказывается помещенным снаружи.

Указанный сценарий, безусловно, может иметь определённые различия в разных культурах, а также может характеризоваться идеолектальными особенностями. Однако ядро прототипического сценария продумывания эмоции будет идентичным для языкового сознания представителей различных социумов [10, с. 129].

Возвращаясь к вытеснению эмоции при её материализации вовне, следует еще раз обратиться к понятию интерсубъективности, которое получает отличное от герменевтического взгляда на это явление прочтение в концепции семиотики страстей А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья. В их понимании интерсубъективность есть понятие исконного, самого глубокого и наименее тесно связанного с языком эпистемологического модуля, где «субъект напряжения раздваивается на себя и «другого» и интериоризирует тело другого как интер-субъект на фоне отношений доверия» [4, с. 73]. Включение другого в себя, с нашей точки зре-

ния, становится возможным благодаря первичному вычленению этого другого из себя же. Подобное вытеснение-интегрирование, как указывалось выше, имеет место и в случае материализации эмоции. Что касается герменевтического способа видения intersубъективности как общности индивидуального и коллективного в опыте, который затем обращается на текст, то в этом случае возможно дополнение к интерпретации сущностной основы данного термина. Процесс становления индивидуального в опыте стандартно происходит путем интериоризации опыта коллективного. Например, когда ребёнку говорят о том, что собака – друг человека, и ребёнок начинает воспринимать собак как возможных «друзей» для себя самого. Несомненно, также стоит принять во внимание тот факт, что это представление о собаках может видоизмениться, когда, например, ребёнок читает о том, что собака кого-то кусает или пугает. Тогда исходный опыт изменяется под влияние направленного обратно луча рефлексии. После интеграции происходит вытеснение, когда представление о собаке как только о друге выключается из рефлексивной реальности реципиента для преобразования в представление о собаке не только как друге, но и как агрессоре. Дело обстоит несколько иначе, если ребёнку говорят об опасности обжечься, а он не верит и хватается за раскалённый утюг, получает ожог. В этом случае интериоризация опыта происходит не путём его изначального принятия, а путём первоначального отторжения, вытеснения. Третий вариант образно можно изобразить в виде концептуального описания ситуации типа «я не знал, что такое возможно». Непосредственной реализацией этого прототипа может быть, например, ситуация потери самообладания при столкновении с некоторым ранее неизвестным нам социальным институтом – мы вынуждены выполнять имеющиеся в рамках этого института требования, хотя с обывательской точки зрения некоторые из них могут показаться как минимум странными. При таком развитии событий внешнего опыта, на первый взгляд, не было вовсе, но на поверку оказывается, что начальное удивление имеет в своей основе все то же отторжение, выключение из собственного круга интересов, с последующим включением указываемого предписанием опыта в силу необходимости. Таким образом, intersубъективность как основной параметр человеческого способа приобретения опыта характеризуется наличием в ее основе операции вытеснения-интеграции, организующий процесс рефлексивного расширения опыта индивида на протяжении всей его жизни. Остается, однако, неясным, что управляет разнонаправленными процессами вытеснения-интеграции и интеграции-вытеснения. В этом смысле язык предлагает универсальный способ выявления такого координирующего механизма. Выше упоминалось о модальности как мере и способе смысловой интерпретации человеческой intersубъективности. Процессы вытеснения-интеграции могут управляться меха-

низмом преобразования эмоций как феноменов «чистого», еще свободного от языка сознания в модальные схемы. В настоящей работе предпринимается попытка описать возможности построения модальной партитуры распределения смыслов текста на основе вытеснения эмоционально-экспрессивной оценки с целью выделения в качестве ведущего смысла-модализации оператора долженствования с последующей интеграцией исходной эмоции и вербальной презентацией всего блока модально-страстных смыслов на уровне текста.

В упомянутой выше работе А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья предлагается комплексный подход к связыванию состояний эмоциональной сферы и модальности. Предлагаемая модель представления мира в языковом сознании состоит из трёх основных модулей: 1) *эпистемологического*, где формируются прототипы основных модальностей под влиянием форической тенсивности как предусловия формирования страстного дискурса – четыре основных модуляции – открывающая, закрывающая, бегущая и точечная; термин «форическая тенсивность» отражает взаимодействия двух основных стратегий – раскола и слияния, взаимно уравновешивающих друг друга на этом уровне; 2) *семио-нарративный*, где модуляции, подвергаясь категоризации, превращаются в четыре модализации – хотения, умения (знания), могущества и долженствования (данная трактовка термина «модализация» отличается от принимаемой за основу нами – см. ниже); далее модализации взаимодействуют друг с другом на основе отношений противоположности, противоречия, пресуппозиции и соответствия в рамках обладающих собственной внутренней (интермодальной) динамикой модальных устройств разных типов (упоминаются устройства парадоксального и конфликтного типов); 3) *дискурсивный*, где величины предыдущих модулей лишь приглашаются в ходе практики высказывания, тем самым модальные устройства на основе аспектуализации как механизма влияния страсти на дискурс выступают в виде расположенностей, своеобразных дискурсивных программ, серий «отношений к ...», т.е. как модализированные и окрашенные страстью аспекты организации тела дискурса: начинательный, заключительный, продолжительный [4, с. 26–88].

Как видно из описания третьего уровня, точечная модуляция уровня предусловий и соответствующая ей модализация долженствования семио-нарративного уровня не находит коррелята на уровне дискурсивном. Долженствование имеет особый статус не только в рассматриваемой концепции, в которой исходная точечная модуляция уравновешивает три остальные модуляции, исключая тем самым возможность рассеивания как следствие установления преобладания раскола. В психологических исследованиях аффективной сферы можно также встретить подобную трактовку. Например, О.С. Никольская, разграничивая уровни аффективной организации сознания и поведения, в статус выс-

шего уровня возводит уровень эмоционального контроля, соответствующий соотношению собственного поведения с системами ценностей и оценок других людей. Указанный уровень отвечает за создание иерархически структурированной картины мира на основе внутренней оппозиции «должен – не должен» [10, с. 126–137].

В теории филологической герменевтики чувствам отводится особая роль. Среди трех типов понимания – семантизирующего, когнитивного и распремечивающего – последнему в качестве основы соответствует опыт чувств и переживаний как топос в онтологической конструкции духа, к которому направляется луч рефлексии при восстановлении и «придумывании» смыслов в ходе понимания текста. Именно распремечивающее понимание обеспечивает наиболее полное освоение текстовой содержательности (также при восприятии мира как текста). Переживание в данном случае трактуется как «неосознаваемая или нечетко осознаваемая рефлексия над опытом чувственных состояний и отношений, провоцируемых текстом» [1]. Показательно, что в рассмотренной модели А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтаня чувство постулируется в качестве элемента мира страстей, которые в целом предстают единой массой. Термин «страсть» признается достаточным обобщением для всего аффективного мира. В качестве ипостасей страсти могут выступать различные компоненты – чувство, влечение, склонность, эмоция, темперамент, характер, отношение, настроение и т.д. При этом чувство определяется как сложное аффективное состояние, характеризующееся стабильностью и длительностью и связанное с представлениями [4, с. 102]. Под представлениями следует понимать опыт внешних и внутренних состояний, а также стратегии и тактики реагирования на эти состояния через ранее освоенные ситуации, что сопоставимо с тканью рефлексивной реальности в целом.

Немаловажным является тот факт, что обратная ось влияния модальности на страсть не рассматривается. Страстный дискурс влияет на исходный нейтральный дискурс, в который первый включается, вводя особым образом реорганизованные блоки модальных конфигураций, обеспечивающих саму интеграцию страсти в практику высказывания [4, с. 69]. В этой связи герменевтическая концепция смысла предлагает иную трактовку статуса страстно-модальных, точнее, модально-страстных образований в речевом произведении (об этом ниже), безотносительно к тому воспринимается оно как текст или как дискурс. Термин «текст» в данном случае является предпочтительным, так как, по определению Г.И. Богина, мир дискурса представляется, прежде всего, как языковое осмысление множества типовых ситуаций внеязыковой действительности в жизни социума, как более низкий приспособительный уровень использования языка. Мир текста является сосредоточением ценностей, т.е. банком идеальных ориентиров, подверженным лишь

незначительным изменениям под влиянием ситуации, и, следовательно, представляет собой более высокий уровень влияния языка на человеческую жизнь [1].

Чувства во всех науках, изучающих человека, рассматриваются как первичный источник опыта, но не менее, а более значимым источником при необходимом и достаточном уровне научения является рефлексия, обеспечивающая постоянное изменение, дополнение и обогащение опыта. Таким образом, чувства как первичный источник опыта и рефлексия как вторичный качественный преобразователь взаимодействуют друг с другом не только как основа и механизм расширения, а по типу сообщающихся сосудов, где на границе сообщения возникают переживания как первичные компоненты смысла. Г.И. Богин называет такие переживания значащими переживаниями. Качественное преобразование чувственного опыта в этом случае всегда опосредованно текстом, материальным продуктом применения языковой системы, в котором переживания как производные чувств как тоже материальной субстанции становятся структурами идеальными, конститuantами содержания сознания понимающего субъекта, так как такие значащие переживания способны быть составляющими смысла [1].

Однако роль рефлексии следует переосмыслить сообразно силе влияния страстей. Как уже указывалось, термин «страсть» может пониматься как родовой по отношению к чувствам как одному из компонентов аффективной сферы. Все же, с нашей точки зрения, нельзя не принимать во внимание внутреннюю динамику страстей, которые могут группироваться, образуя более крупные блоки, которые характеризуются не только количественным увеличением аффективной силы, но и структурным и функциональным усложнением, что ведет за собой, предположительно, разность в силе и способе взаимодействия с рефлексией. Так, в качестве таких более объемных аффективных образований, А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний выделяют *темперамент* как врожденный психофизиологический комплекс равновесных аффективных компонентов, детерминирующий поведение, и *характер* как индивидуальную совокупность способов чувствования и реагирования с некоторым набором доминирующих аффективных компонентов. При этом комплексная природа указанных страстных ипостасей подкрепляется участием в процессе их оязыковления всех модализаций в их взаимодействии [4, с. 103–104]. Также показательным в этой связи является объединение Н.Я. Гротом эмоций как результатов субъективного чувствования и воли как тоже субъективного стремления к действию, пробуждаемого и побуждаемого эмоцией. Именно эмоции и воля представляются в модели психического действия как компоненты именно человеческого сознания, отделенного от мира, где человек предстает как его часть, реагирующая на внешние объективные стимулы путем продуцирования объективных

реакций [5, с. 9]. То же в модели А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания означает переход от осознания непрерывной фориической тенсивности к глубинному уровню формирования высказывания, где сознание действительно позволяет языку «управлять» собою и осознание мира становится прерывным как отделение субъекта воспринимающего мир от самого этого мира [4, с. 93].

В рамках настоящего исследования наиболее значимым является комплекс соотношения эмоций и воли. Именно волевой компонент отвечает, по мнению Б. Спинозы, за стремление души быть [15, с. 203], следовательно, данный аффективный блок можно рассматривать в качестве ведущего компонента механизма осознания наличия конструкции собственного сознания, а также свойственных этой конструкции способов освоения и упорядочивания информации о действительности вне её. Доминирующая роль языка в обеспечении становления, функционирования и саморазвития указанной конструкции не нуждается в обосновании. С другой стороны, вклад модальности в осуществление указанных процедур представляется недостаточно изученным. Предположительно, эмоционально-волевой аффективный комплекс, принадлежащий чистому сознанию, «не овеществленному» языком (ср. уровень предусловий в модели А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания), трансформируется в специфический модальный блок смыслов, который управляет механизмом построения модальной партитуры текста, на основе преобладания должествования как главного ориентира социального компонента интерсубъективности. Модальность в этой связи подтверждает свой статус как мера и способ интерпретации человеческой интерсубъективности. Таким образом, семио-нарративный уровень собственно языковой области сознания включает в себе главную предпосылку формирования смысловой ткани текста для последующего распремечивающего понимания. Следует сразу оговориться, что рассматриваемая возможность является одной из ряда выбора, поскольку, если указанная гипотеза верна (что находит подтверждения в ходе анализа конкретного текстового материала далее), то социальный компонент интерсубъективности будет преобладать в ходе деятельности построения модальной партитуры текста. Однако обратная ситуация (преобладание индивидуального компонента), очевидно, также возможна. Кроме того, индивидуальный и социальный компоненты могут быть уравновешены, или их отношения могут быть описаны в терминах упомянутых логических процедур противоположности, противоречия, пресуппозиции и соответствия, или иным образом, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Ключевым моментом в описании закономерностей построения и функционирования мира текста является понятие нозмы как способа, которым предмет переживания презентуется или указывается в переживании [1]. Опыт чувственных состояний как предмет переживания

каждый раз анализируется, используется и видоизменяется путем обращения рефлексии к конкретному топосу в нем. Смысл в этом случае всегда аффективно окрашен. При этом распредмечивание смысла в ходе понимания текста зависит от набора нозм, т.е. от способов указания конкретных интендируемых топосов опыта и меры их взаимодействия. Можно предположить, что некоторые из отбираемых нозм будут более активны, чем другие, а степень активности нозм в ходе рефлексии над блоком смыслов с доминирующей эмоционально-волевой составляющей в тексте детерминирует построение особого вида модальной партитуры. В этом случае внимание исследователя обращается не столько на текст как материальный продукт языковой игры, правила которой определяются закономерностями функционирования человеческого сознания. На первый план выходит процесс понимания текста. Именно включение модальности в научную парадигму описания и объяснения способов организации выражения эмоций в языке позволяет ответить на вопрос, как люди понимают эмоции, в первую очередь, конечно, речь идет об эмоциях, репрезентированных в тексте. При этом в фокус интересов исследователя попадает не только и не столько понимание, но и другие объективации рефлексии – отношение, оценка, собственно человеческое чувство. В этих определениях содержится сущность назначения языковой модальности в её рассмотрении через призму языкового выражения эмоционально-волевых реакций.

Следующий отрывок из повести А.И. Куприна «Поединок» является примером использования языковых способов презентации эмоционально-экспрессивной оценки:

- Господа... пожалуйста... Ха-ха-ха! В М-ском полку был случай. Подпрапорщик Краузе в Благородном собрании сделал скандал. Тогда буфетчик схватил его за погон и почти оторвал. Тогда Краузе вынул револьвер – рраз ему в голову! На месте! Тут ему еще какой-то адвокатишка подвернулся, он и его бах! Ну, понятно, все разбежались. А тогда Краузе спокойно пошел себе в лагерь, на переднюю линейку к знамени. Часовой окрикивает: «Кто идет?» - «Подпрапорщик Краузе, умереть под знаменем!» Лег и прострелил себе руку. Потом суд его оправдал.

- Молодчина! – сказал Бек-Агамалов.

Данная текстовая дробь представляется законченной, так как содержит описание события, вызвавшего эмоциональный отклик как у рассказчика, так и у слушателя. Что касается, языковой организации отрывка, то она весьма показательна. Использование эллиптических предложений, прямой речи, настоящего времени для описания прошлых событий, повтор (многократно повторяется наречие *тогда* в параллельных конструкциях с прошедшим временем); паузы, лексемы с оценочным значением (*молодчина, адвокатишка*), наконец, восклицательная интонация свидетельствует о возбужденном эмоциональном состоянии рас-

сказчика, о том, что тема чрезвычайно актуальна для собравшихся офицеров и что степень эмоционального накала разговора высока. Эмоциональная составляющая подкрепляется волевым оценочным компонентом – реплика-реакция Бека свидетельствует о максимально высокой положительной оценке действий подпоручика Краузе (не просто молодец, а молодчина), и, следовательно, готовность поступить схожим образом. Однако полнота понимания смыслов приведенного отрывка и восстановление ситуации мыследействования автора (распредмечивающее понимание) зависит не столько от осознания указанных выше фактов и особенностей восприятия описываемой ситуации персонажами на основе анализа конвенциональных языковых способов выражения эмоциональной экспрессии (семантизирующее и когнитивное понимание), сколько от способности читателя вычленив оценку события с точки зрения героев и авторское видение проблемы, что невозможно без обращения к опыту, т.е. без соотнесения данных с собственными убеждениями. И говорящий (Лбов), и его собеседник – люди одного круга, примерно одного возраста, и разделяют расхожее среди офицеров мнение о том, что отнять жизнь у человека возможно и даже совершенно необходимо во многих случаях. Ситуация мнимого оскорбления не являлась в этом плане исключением. Такое отношение к своей персоне, одержимость идеей защиты своей офицерской чести было нормой для молодых людей, которые жаждали «дела» – самоутверждения и славы. Следовательно, в модели распредмечивания смыслов данного отрывка на первый план выходит смысл-модализация долженствования в её модификации «долг постоять за свою честь». На уровне ноэтной организации указанной модализации соответствует обращение к топосам «долг», «честь» в их взаимодействии. Данный смысл-модализация управляет вытеснением первичного эмоционально-оценочного смысла «ценности своей и чужой жизни», связанного с первичным осознанием собственного бытия в мире через идентификацию своей схожести с другими также живущими «здесь и сейчас» людьми. На уровне языковых средств наибольшее выражение получает топос «честь». Начиная с обращения «Господа» речь Лбова насыщена ссылками на статус (Благородное собрание, подпрапорщик, лагерь, часовой, знамя), противопоставление внутреннего избранного круга и остальных «простых смертных» (буфетчик, адвокатишка, все разбежались). Именование человека по профессии (и даже с морфологическим показателем уничижения) указывает на картину мира говорящего, для которого человек ценен не сам по себе, а только в соответствии с его рангом, происхождением. Что касается фразы «все разбежались», то здесь напрашивается аналогия с тараканами или мышами, разбегающимися при виде опасности. Представители «внутреннего круга» совсем из другого теста, они не убегут и

не стерпят, любое посягательство на их жизненное пространство получит решительный отпор.

Вытеснение в рамках осознания принятых в данном круге общества норм поведения (задействуется социальный компонент интерсубъективности читателя) сопровождается интеграцией исконного смысла ценности жизни любого человека (индивидуальный компонент интерсубъективности автора). На уровне языковых средств опредмечиванию этого смысла служит окончание абзаца-реплики рассказчика и реплика-реакция собеседника. Упоминается, что Краузе «спокойно» пошел в лагерь, только что совершив двойное убийство. Далее идет использование прямой речи в настоящем времени, что маркирует кульминацию, высшую степень эмоциональной экспрессии. Это показательно, поскольку главная мысль, которую подчеркивает автор через речь своего персонажа, состоит в безнаказанности такого поступка. Это особенно веселит Лбова. Прослеживается некоторая театральность происходящего, так как Краузе лег под знаменем, чтобы прострелить себе только руку, а не совершить от обиды и отчаяния самоубийство, тем самым, оправдав себя перед людским судом. Реакция же Бека – со знаком «+», трансформируется в понимании авторской позиции в знак «-», однословная реплика выглядит как безапелляционная оценка, как со стороны персонажа, так и со стороны писателя.

Построение модальной партитуры распределения смыслов в авторском тексте обеспечивает выход за пределы только понимания, поскольку выводимые из текста смыслы становятся достоянием не только автора, но и реципиента, которому предоставляется право сформировать собственную оценку события и всей описанной ситуации его обсуждения героями. Отношение определённого рода возникает вследствие правильной интерпретации выбора интендирующих текстовых средств, в которых существуют смыслы в момент их освоения читателем. Эмоциональность реплик Лбова и Бека указывает на эмоционально-волевою продуктивную составляющую смыслового блока и позволяет судить об оценке события как с точки зрения персонажей, так и с позиции автора. В результате растёт и эмоциональная вовлечённость читателя (естественно, при наличии тому индивидуальных предпосылок). Понимание как результат рефлексии через формирование оценки и отношения имеет возможность трансформироваться в собственно человеческое чувство, в котором соединятся сожаление о глупости людской, сострадание несовершенной человеческой природе и иные выводы, возможность делать которые и отличает человека от всех других земных тварей. Текст в этом случае не будет уже просто речевым произведением или литературным трудом, но станет частью личности реципиента.

Итак, модальность как универсальный мыслительно-языковой механизм построения партитуры распределения смыслов текста и

эмотивность как способ координации построения указанной партитуры активно взаимодействуют. В результате этого модальность выходит за рамки оязыковленной процедуры функционирования сознания и переходит к опредмечиванию аффективно окрашенных смыслов в тексте. Эмотивность, в свою очередь, приобретает статус одного из организующих компонентов языковой модальности. В ходе рефлексии над текстом, в котором модальная партитура заложена в виде потенции увязывания смыслов, стоящих за языковым выражением эмоционально-волевых реакций, и смыслов оценочных, собственно модальных, реципиент имеет возможность не просто понять текст, а перейти к последовательной фиксации других инобытий рефлексии.

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] : [электрон. книга] / Г.И. Богин. – Тверь, 2007. – Режим доступа: http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.html – Дата обращения: 20.08.2008. – Загл. с экрана.
2. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст [Текст] / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 114 с.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] // В.В. Виноградов. Избранные труды / В.В. Виноградов – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.
4. Греймас А.Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души [Текст] / А.Ж. Греймас, А.-Ж. Греймас ; пер. с фр. Л. Зиминой. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 336 с. : табл.
5. Грот Н.Я. Значение чувства в познании и деятельности человека: Речь, произнес. в годичном собр. Моск. психолог. общества 24 янв. 1889 г. [Текст] / Н.Я. Грот. – М. : Тип. Гатцук, 1889. – 42 с.
6. Краткий психологический словарь [Текст] / Л.А. Карпенко [и др.] ; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1985. – 431 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия [Текст] / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной и Л. С. Фокина. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 605 с.
8. Могутова Н.В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) [Электронный ресурс] / Н.В. Могутова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Электрон. журн. – 2002. – № 2. – Режим доступа: http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_2_2002/nvmogutova_osnovnie_problemi_ispolzovaniya_emotivnih_yazikovih_edinit.html – Дата обращения: 4.04.2011. – Загл. с экрана.

9. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова [Текст] / Е.Ю. Мягкова; Курск. гос. пед. ун-т. – Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 110 с.
10. Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение [Текст] / О.С. Никольская. – М. : МГППУ, 2008. – 464 с.
11. Пучкова Е.В. Языковая модальность в герменевтической научной парадигме [Текст] / Е.В. Пучкова.–Калуга: «Наша Полиграфия», 2009.– 88 с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2001. – 705 с.
13. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка [Текст] / Н.А. Слюсарева. – М. : Наука, 1986. – 215 с.
14. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика [Текст] / Г.Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1981. – 182 с.
15. Спиноза Б. Избранные произведения [Текст] / Б. Спиноза. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 604 с.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
17. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and universals [Текст] / A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 500 p.

MODAL SCORE FORMATION AND EXPRESSION OF EMOTION-VOLITION REACTIONS IN A TEXT

E.V. Ilina

Tver State University, Tver

The article centers round the problem of interrelation between language modality and textual means of expressing emotion-volition reactions. The effect of emotivity on the modal score of realizing senses in the text is being studied by analyzing incorporation of the emotionally marked text-forming means block (and the block of senses sustained) serving as the core of the modal score in a text with emotion-volition components prevailing.

Keywords: *modal score, emotion-volition reactions, emotivity, modalisation sense, intersubjectivity.*

Keywords: *modal score, emotion-volition reactions, emotivity, modalisation sense, intersubjectivity*

Об авторе:

ИЛЬИНА Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: lpuchkova@mail.ru